

Ю. М. ЛОТМАН

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПОЭТОВ XVIII ВЕКА

Выход в свет ряда изданий произведений поэтов XVIII века — событие, привлекающее внимание и специалистов-литературоведов, и рядовых читателей. В данном случае интерес этот усугубляется тем, что на титульных листах рецензируемых сборников¹ стоят имена поэтов, чьи произведения или вообще впервые предстают перед советским читателем, или предстают в значительно более полном, чем в предыдущих изданиях, виде.

Характер сборников определен типом издания. Библиотека поэта была задумана А. М. Горьким как полный свод произведений исторически значительных русских поэтов, включающий наряду с проверенными критическими изданиями текстов справочный аппарат, научный комментарий и вступительные статьи, содержащие историко-литературный анализ издаваемых произведений. Издание рассчитано на широкий круг любителей русской литературы, имеющих уже элементарные сведения о ее развитии и желающих расширить и углубить свои представления в этой области: литераторов, студентов, учителей-словесников.

Рецензируемые сборники имеют бесспорное значение для ознакомления читателя с богатым наследием русской поэзии XVIII века. Советский читатель получает возможность озна-

---

¹ Антиох Кантемир. Собрание стихотворений Большая серия библиотеки поэта, вступительная статья Ф. Я. Приймы, подготовка текста и примечания З. И. Гершковича. Изд. «Советский писатель», Л., 1956; А. П. Сумароков. Избранные произведения. Большая серия библиотеки поэта, вступительная статья, подготовка текста и примечания П. Н. Беркова. Изд. «Советский писатель», Л., 1957; И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Большая серия библиотеки поэта, вступительная статья, подготовка текста и примечания И. З. Сермана. Изд. «Советский писатель», Л., 1957. (В дальнейшем все ссылки на эти издания даются в тексте).

комиться в полном объеме с поэтическим наследием Кантемира² — литератора, который, по характеристике В. Г. Белинского, «первый на Руси свел поэзию с жизнью», — и рядом трагедий Сумарокова. Творчество Богдановича вообще впервые после длительного перерыва становится доступным широкому читателю. Комментарий, давая необходимые справки элементарного характера, в ряде случаев представляет самостоятельный научный интерес.

Предпосланные сборникам вступительные статьи, помимо общих сведений о жизни и творчестве Кантемира, Сумарокова и Богдановича, содержат ряд новых положений, одна часть которых бесспорно войдет в исследовательскую литературу как доказанная, другая, — видимо, сделается предметом научных обсуждений.

Обширная статья Ф. Я. Приимы «Антиох Дмитриевич Кантемир» (52 стр.) дает широкую картину творческого пути первого русского поэта-сатирика. Интересно проанализирован творческий метод писателя. Свежи и убедительны соображения о том, что в парижский период жизни произошло не «понижение уровня» «политической мысли» Кантемира, как это принято было считать, а дальнейшее ее идейное созревание. Вместе с тем некоторые положения автора не могут быть приняты безоговорочно.

Наиболее спорным представляется вопрос об общем определении природы мировоззрения Кантемира. Почти через всю статью исследователь настойчиво проводит определение Кантемира как русского просветителя XVIII века. По мнению автора статьи, Кантемир «критикует „благородство“ происхождения с точки зрения просветительской теории „естественного права“» (стр. 13). Задачи литературы он понимает «в духе просветительской идеологии XVIII века» (стр. 17). «Писателем-просветителем» назван Кантемир на стр. 31 и в ряде других мест статьи. Тезис этот, однако, совсем не столь бесспорен.

Необходимо отметить, что в исследовательской литературе последних лет наметилась тенденция весьма расширительно пользоваться этим термином. Его применяют к деятелям, верившим в разум и отрицательно относившимся к церковной догматике, к сторонникам распространения грамотности в народе, к людям, осуждавшим жестокие действия помещиков и т. д. и т. п. Создается угроза утраты этим термином его исторически конкретного содержания.

² Издание 1867—1868 годов под ред. П. А. Ефремова давно уже стало библиографической редкостью и массовому читателю практически недоступно.

Остановимся на том, какое содержание вкладывали в этот термин классики марксизма. Многократно обращаясь к истории общественного сознания XVIII века, К. Маркс и Ф. Энгельс неизменно пользовались термином «просветительство» для определения той боевой, буржуазной по своему классовому содержанию идеологии, которая, возникнув в предреволюционную эпоху, являлась непосредственной теоретической основой следующего, уже революционного этапа общественного развития. Просветители могли не быть (и часто не были) революционными деятелями, но теоретически их воззрения подразумевали осуждение феодального порядка и идеологически подготавливали революцию. В письме Ф. Энгельсу от 25 марта 1868 года К. Маркс писал о реакции «против французской революции и связанного с нею просветительства (курсив мой, — Ю. Л.)».³ Ф. Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» назвал просветителей «великими людьми», «которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции».⁴ Просветители — философы, «подготавливавшие революцию».⁵ В. И. Ленин, говоря о «просветителях», также имел в виду идеологов боевых антифеодальных классов, а в России — «с соответственным преломлением. . . через призму русских условий» — крепостного крестьянства. Ввиду особой важности этой ленинской формулировки приведем ее полностью. В. И. Ленин писал: «По характеру воззрений Скалдина можно назвать буржуа-просветителем. Его взгляды чрезвычайно напоминают взгляды экономистов XVIII века (разумеется, с соответственным преломлением их через призму русских условий), и общий „просветительный“ характер „наследства“ 60-х годов выражен им достаточно ярко. Как и просветители западноевропейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта „просветителя“. Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта „просветителя“ это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена кре-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, М.—Л., 1931, стр. 34.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, 1935, стр. 507.

⁵ Там же, стр. 510.

постного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому».⁶

Просветительская идеология могла возникнуть лишь в определенных исторических условиях, в период кризиса феодально-крепостнического строя (для России — не ранее второй половины XVIII века). Просветительская идеология обладала рядом присущих ей характерных черт: верой в природное равенство людей, в право людей на земное, материальное счастье, верой в благородство «естественных» склонностей человека. «Просветители» считали, что мораль должна строиться на основе личной пользы; утверждая, что среда воспитывает человека, они вплотную подходили к идее справедливого переустройства общества. Угнетение человека казалось им противоестественным. При всем обилии философских оттенков — от прямого атеизма до деизма — философски они стояли на почве материализма.

Их гносеологии были обычно свойственны сенсуалистические черты. Вера «просветителя» в господство разума означала совсем не мысль о том, что просвещение разума людей само по себе решит все социальные вопросы. Даже мирный, мыслящий не революционно «просветитель» полагал, что устранение ложных понятий в голове человека — *лишь первый шаг* к уничтожению ложных социальных институтов. В качестве же этих «ложных» институтов мыслилось все, что связано с политическим, сословным неравенством, крепостным правом и его порождениями. Энгельс, цитируя слова Гегеля о том, что в эпоху «просвещения» «мир был поставлен на голову», показывает, что это понятие неотъемлемо включало и то, что «человеческая голова и открытые при помощи ее мышления положения предъявили притязание служить единственным основанием всех человеческих действий и общественных отношений», и то, что «противоречившая этим положениям действительность была фактически перевернута вверх ногами».⁷ «Просветители» были рационалистами, однако наличие одной рационалистической веры в познающую мощь разума недостаточно для возникновения качества «просветительства».

Даже беглого ознакомления с мировоззрением великих представителей русской общественной мысли начала и первой половины XVIII века — Посошкова, Прокоповича, Татищева, Кантемира, Ломоносова, Тредиаковского — достаточно, чтобы убедиться в том, что в их позиции еще не созрели (а исторически и не могли созреть!) основные принципы «просветительной» идео-

⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 472.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 508.

логии. Не рассматривая, по соображениям места, этот вопрос во всей полноте, остановимся на аргументах, приводимых Ф. Я. Прийма в пользу «просветительства» Кантемира.

Ф. Я. Прийма совершенно прав, когда указывает, что Кантемир был «противником клерикализма и религиозного догматизма» и отрицательно относился к монахам, которых «весьма гнушался» (стр. 36). Однако необходимо иметь в виду, что на такой же позиции стояли многие общественные деятели тех лет, говорить о которых как о «просветителях» (не в житейском, а в научно-терминологическом смысле этого слова) нет оснований. Таковы, например, Татищев и Петр I, который монахов именовал «долгими бородами, кои по тунеядству своему ныне не в авантаже обретаются», а к их смертным грехам считал необходимым прибавить еще один — «лицемерие и ханжество». Даже Ф. Прокопович, сам видный церковный деятель, был свободен от средневекового преклонения перед догматикой. В связи с изуверской кампанией, развернутой Стефаном Яворским вокруг дела Теверитинова и его единомышленников, Прокопович, отражая официальную правительственную линию, в специальном «Слове» требовал, «дабы тшались пастырие учить народ правильному святых икон почитанию и отводить его всячески от боготворения».⁸

Приводимые Ф. Я. Прийма аргументы в пользу наличия «материалистических элементов в философском сознании А. Кантемира» (стр. 36—37) требуют подкрепления — в таком виде они не обладают безоговорочной убедительностью. Факт прямых выступлений Кантемира против Эпикура не может быть снят лишь тем, что в библиотеке поэта имелось три издания Лукреция, а в одном из его писем содержится беглое упоминание о том, что критика философии Лукреция представляет для него такой же интерес, как и сама эта философия (стр. 36).

Ни «пропаганда гелиоцентрической системы Коперника», ни стремление «к исследованию „причин действий и вещей“» не говорят еще о связи Кантемира с той специфической формой материализма, которая составляла элемент просветительской идеологии и характеризовалась сенсуализмом в гносеологии и этике. Да и сам автор на стр. 35 совершенно верно связывает Кантемира с картезианским рационализмом. Развитие этого тезиса, видимо, было бы более плодотворным, чем искусственное сближение Кантемира с тем историческим этапом, для возникновения которого в России еще не было оснований.

Ссылка на упоминание Кантемиром «оснований права ес-

⁸ Феофан Прокопович... Слова и речи, ч. I. СПб., 1760, стр. 93.

тественного», «естественного закона» и Пуффендорфа также не обладает достаточной убедительностью. Просветители были сторонниками теории «естественного права» и договорного происхождения государства, однако сами по себе эти теории возникли задолго до XVIII века и имели широкое хождение в политических доктринах допросветительского периода. Теории «светской», «земной» природы государства широко использовались и идеологами дворянского абсолютизма. В России мысль о политической, а не церковной природе государства встречается уже у Пересветова и Ермолая-Еразма, позже у Полоцкого и старца Авраамия. Именно в теории естественного права видел Ф. Прокопович обоснование идеи сильной самодержавной власти: «Зри же, аще не в числе естественных законов есть и сие, еже быти властем предержажим в народех?» («Слово о власти и чести царской»)⁹. Следует не забывать, что пропаганда сочинений Пуффендорфа и Гуго Гроция была официально санкционирована правительством Петра I и воспринималась как защита идей абсолютизма.

Для решения вопроса о природе воззрений Кантемира особое значение имеет отношение его к положению русского крестьянина. Собранные здесь Ф. Я. Приимой факты свежи и интересны, однако их недостаточно для того, чтобы увидеть в позиции Кантемира «отстаивание интересов народных масс» и «вражду к крепостному праву» (Ленин). Жалоба крестьянина в V сатире, действительно, написана сильно и выразительно. Можно согласиться с Ф. Я. Приимой, что Кантемир «открывает крестьянскую тему в русской литературе» (стр. 18). Однако нельзя забывать того, что недовольство крестьянина поэт объясняет его «неразумием», тем, что люди никогда не бывают довольны своим положением: люди — «бессчетных страстей рабы». Кстати, вслед за стихами 699—712 V сатиры, содержащими жалобу крестьянина и приведенными во вступительной статье, в тексте сатиры идет известное место, рисующее жизнь крестьянина совершенно иначе, в духе «золотой посредственности» Го-рация:

Заплачу подушное, оброк — господину
А там, о чем бы тужить, не знаю причину:
Шей горшок, да сам большой, хозяин я дома,
Хлеба у меня чрез год, а скотам — солома.

Рационалистическое мировоззрение, возникшее в период, когда дворянский абсолютизм боролся в России со средневековыми формами общественной жизни и общественного сознания, предшествовало «просветительству». Оно имело с ним общие

⁹ Там же, стр. 246.

черты — веру в разум, отрицание суеверия, догматизма, оно расчищало дорогу «просветителям», но представляло собой явление, качественно своеобразное и наполненное иным социальным содержанием. Напомним, что К. Маркс настойчиво отделял рационалистов XVII в. от «просветителей». Он указывал, что «пораженная французским просвещением, и в особенности французским материализмом, метафизика XVII столетия праздновала свою победоносную, полную содержания реставрацию в лице немецкой философии».¹⁰

Все основные черты мировоззрения Кантемира вытекают, как это указывает и Ф. Я. Прийма (см. стр. 1), из идеологии и политики Петровской эпохи. Но станет ли кто-нибудь утверждать, что петровская государственность осуществляла социально-политическую программу «просветителей»?

Интересная статья Ф. Я. Примы поднимает широкий круг вопросов и весьма плодотворна для изучения и обсуждения творчества А. Кантемира. В эпоху, когда развертывалась литературная деятельность Кантемира, верность принципам, декларировавшимся в эпоху петровских преобразований, уже сама по себе означала определенное движение вперед. Создание «регулярного» государства, отвечая в первую очередь интересам русского дворянства, не могло быть осуществлено руками одних дворян — оно требовало привлечения к историческому созиданию гораздо более широких общественных кругов. Иллюзия общенационального характера программы правительства Петра I поддерживалась у современников еще и тем, что реформы начала XVIII века, действительно, одновременно решали и ряд задач общенационального характера, отвечавших не только классово-корыстным интересам дворянства, но и имевшим действительно прогрессивный смысл. В этих условиях пафос общесословного, национального дела, идеи патриотического труда всех граждан на благо России соответствовали правительственному идеологическому курсу. Они были предельно четко сформулированы, например, в таких программных документах, как приказ Петра перед Полтавским боем и речь Ф. Прокоповича по случаю мира со Швецией. Реальный исторический смысл собственных действий был порой скрыт от передовой части деятелей начала XVIII века. Люди, которые ценой невероятных усилий и жертв на полях Полтавы, в морских сражениях, на строительстве новых заводов создавали новую Россию, искренне верили, что «стал вдруг народ уже новый» (Кантемир), что великие жертвы

¹⁰ К Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, 1930, стр. 154.

нужны для торжества над невежеством и стариной, во имя разума, науки и общего блага. Цель нового государства — всенародная польза. Но когда, ценой великих общенародных усилий, Россия, по словам Пушкина, «въехала в Европу как боевой корабль — при стуке топора и громе пушек», когда новое государство было построено, перед глазами самих его творцов открылось не здание просвещенной России «для всех», а фасад дворянской монархии, крепостнического и бюрократического государства, разьедаемого коррупцией и возглавляемого быстро сменяющимися, невежественными, но полновластными временщиками. В этих условиях верность вчерашним лозунгам «народного блага», патриотизма, мысль о том, что любой гражданин, независимо от сословной принадлежности, — сын отечества и мечта о царе-труженике приобретали новый смысл. Не только для Кантемира, но и для писателей типа Ломоносова действительность, с которой они сталкивались на каждом шагу, мыслилась еще как большое количество случайностей, зависящих от злой воли отдельных лиц, повинных в нарушении заветов Петра. В этих условиях идеализация Петра I могла выступать как первый шаг к критике современности. Теоретики этого типа не могли еще противопоставить идее сословного дворянского строя мысль о народной республике без дворян, но их утопический идеал общесословного государства — огромной мастерской, в которой люди различаются родом занятий, но едины в патриотическом рвении, содержал уже в зародыше возможность отрицания принципа сословности. Путь Кантемира к V сатире, содержащей горькое сомнение в преобразовательной силе отвлеченного разума, Ломоносова — к последним одам, в которых Петр является гневным судьей современных царей, Тредиаковского — к «Тилематиде» подготавливал те исходные позиции, из которых в дальнейшем развилось русское «просветительство».

Вступительная статья П. Н. Беркова «Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова», по существу, представляет собой исследование творческого пути одного из виднейших деятелей русского классицизма. Основы истолкования творчества Сумарокова в советской историко-литературной науке были заложены Г. А. Гуковским, неоднократно возвращавшимся в своей исследовательской работе к творчеству этого писателя. Данный Г. А. Гуковским анализ художественного метода Сумарокова широко вошел в исследовательскую литературу и в основном сохраняет научный кредит и в настоящее время. Статья П. Н. Беркова не ограничивается, однако, суммированием уже вошедших в научный оборот фактов и мнений — она дает во

многом новую концепцию творчества поэта. Целый ряд ее положений, бесспорно, будет учитываться теми, кто в дальнейшем обратится к изучению русского классицизма.

Если до сих пор в научной литературе при объяснении политической и эстетической позиций Сумарокова указывалось на рационалистическую — в картезианском духе — природу его мировоззрения, то, по мнению П. Н. Беркова, «по своим философским воззрениям Сумароков был очень близок к сенсуалистам. В статье „О разумении человеческом по мнению Локка“ он сочувственно излагает доводы английского философа против учения о врожденных идеях» (стр. 11). Далее П. Н. Берков считает, что «на основе эклектического соединения во взглядах Сумарокова элементов сенсуализма и рационализма формулировались его политические и социальные убеждения» (стр. 13). Мысль эта представляется весьма плодотворной. Хотелось бы, однако, найти в статье ее развитие применительно к эстетической позиции Сумарокова. Интересно было найти в статье и объяснение таких философских статей Сумарокова, как «К худу или к добру человек рождается». Творчество Сумарокова подробно раскрыто в статье П. Н. Беркова. Во многих отношениях писатель предстает перед нами в новом свете.

Известные возражения может вызвать лишь определение в статье смысла идейной эволюции Сумарокова. Справедливо отметив, что в творчестве Сумарокова быстро «растут черты критицизма по отношению к придворному дворянскому кругу, к заносчивому и наглому „вельможеству“» (стр. 20), П. Н. Берков делает вывод, что Сумароков сначала «был поэтическим выразителем всего „дворянского корпуса“ в целом, был литературным идеологом всего правящего класса» (стр. 19), а «кончает Сумароков как поэт, хотя и дворянский, но при всех внешних выражениях своей верноподданности, явно враждебно настроенный по отношению к Екатерине II» (стр. 20).

Вопрос этот, как нам кажется, нуждается в уточнении. Середина XVIII века в России дает необычайно яркую картину переплетения различных группировок господствующего класса, отражавшего и столкновение политических течений, и просто беспринципную борьбу за власть. Успешно роль дворянской идеологии могла выполнить лишь такая система теоретических представлений, которая бы наиболее последовательно, гибко и умело могла представить господство дворянства как класса в «очищенном», облагороженном облике. Такая система идей, хотя и возникала в среде одной группы — передового, либерального дворянства, являлась идеологией класса в целом, ибо только она могла теоретически оправдать практическое господство по-

мещиков. Однако такое соотношение теории и практики отнюдь не означало безоговорочного оправдания последней. Для того чтобы оправдать господство дворянства, теоретик должен был осудить, подвергнуть критике все протекавшие перед его глазами насилия и беззакония, объявить их не следствием принципов, лежащих в основе самого строя, а лишь результатом случайностей, злой воли людей. Сама действительность воспринималась идеологом дворянства лишь как частичное, изуродованное, «загрязненное» воплощение дорогих его сердцу принципов. Быть выразителем дворянства как класса, конечно, не значило стоять на уровне — нравственном и культурном — этого класса, и Сумароков, резко критиковавший современного ему дворянина, вельможу, чиновника и даже деспота-царя, стремился «возвысить» реальный порядок крепостнической монархии до уровня идеально-разумного сословного государства. Для Сумарокова действительность, уже в силу своего грубо-материального характера, не могла полностью выразить теоретические идеалы и подлежала критике.

Необходимо отметить, что эта, субъективно направленная на укрепление дворянского господства критика исторически сыграла двойственную роль: создавая традицию обличения действительности, она способствовала и идейному воспитанию демократической интеллигенции. Сатирики второй половины XVIII века охотно подчеркивали свою связь с сумароковской традицией.

Статья И. З. Сермана «И. Ф. Богданович» является новым словом в изучении этого интересного и значительного поэта, которому советское литературоведение до сих пор уделяло минимальное внимание. В статье убедительно раскрыта как несостоятельность карамзинской легенды о Богдановиче, так и исторические предпосылки возникновения этой легенды. Тонко и интересно выполнен анализ «Душеньки» — автор раскрывает отличие поэмы и от травестийной поэмы классицизма, и от того пути преодоления классицизма, на который встал В. Майков в «Елисее». И. З. Серман считает, что «в основном Богданович должен был действовать самостоятельно, не опираясь ни на какую традицию» (стр. 36). Убедительно раскрыто в статье отличие творческого метода Богдановича от Лафонтена.¹¹ И. З. Серман приходит к выводу о том, что «Душенька» «стала

¹¹ Хотелось бы лишь, чтобы вопрос о традиции не только русской, но и западноевропейской литературы был поставлен в статье более широко. Любопытно было бы сопоставить «Душеньку» не только с «Любовью Амура и Психеи» Лафонтена — сравнение напрашивается в силу сюжетной близости поэм, — но и, например, с «Обероном» Виланда.

одним из первых явлений русской предромантической поэмы» (стр. 41).

В целом статьи Ф. Я. Приймы, П. Н. Беркова и И. Э. Сермана представляют бесспорный вклад в изучение литературы XVIII века. Рецензируемые сборники отличаются удачным подбором и высоким качеством подготовки текстов, а также полнотой и точностью комментариев. Библиотека поэта призвана дать полную картину истории русской поэзии — читатель ждет новых выпусков, в том числе посвященных и поэтам XVIII века.
